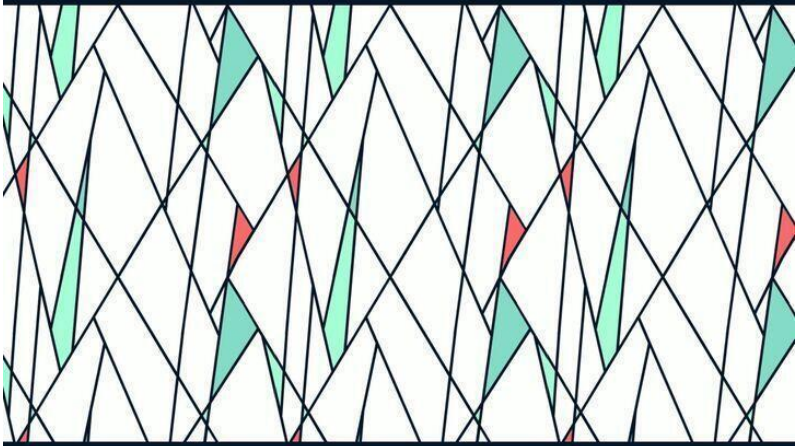
12+

Кирилл Седнев

СИНОПСИС

Кирилл Седнев
Синопсис

https://litres.ru/74835023
ISBN 9785007162845

Аннотация

Фэнтези-детектив, мистический детектив в фэнтезийном сете. В нём есть:

Детективная основа — расследование убийства, улики, ложные следы, круг подозреваемых, постепенное раскрытие правды.

Фэнтези-элементы — необычные способности (Эдар «считывает» эмоции с предметов), магические техники работы с памятью и словами, артефакты (камешек, «пустые» заготовки для писем, особые печати);

Мрачная атмосфера — архив как почти живой, шепчущий мир, где даже бумага может лгать, а воспоминания подделывают.

Содержание

Глава 1. Шёпот в тишине 6
Глава 2. Стены, которые помнят 10
Глава 3. Тени с характером 15
Глава 4. Голос чернил 20
Конец ознакомительного фрагмента. 23

Синопсис

Кирилл Седнев

© Кирилл Седнев, 2026

ISBN 978-5-0071-6284-5
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

В городе, где тени длиннее, чем положено, стоит Архив Гильдии Писцов — древнее здание, чьи стены будто впитывают слова. Здесь письма — не просто носители смысла: они хранят эмоции, воспоминания и иногда чужие голоса. Говорят, что Архив сам решает, кому что показать.

Архивариус найден мёртвым: на теле нет ран, но в глазах застыл ужас, а вокруг него кружатся обрывки фраз, которых никто не произносил. Рядом — письмо, написанное не чернилами, а, кажется, самой тишиной: строки появляются и исчезают, будто стыдятся быть прочитанными.

Расследование ведёт Эдар, помощник архивариуса. Его дар — видеть «отголоски эмоций» в чернилах — теперь кажется проклятием. Он не просто читает следы: иногда они отвечают ему шёпотом, подменяя воспоминания. Эдару

страшно доверять себе: он помнит, как однажды его видение заставило его обвинить невиновного.

Подозреваемые окружены аурой тайны. Лира, глава Гильдии, будто знает больше, чем говорит, и её тень иногда двигается отдельно от неё. Мира, ассистентка покойного, постоянно поправляет волосы, будто стряхивает с себя чужие слова. Старый хранитель Йорн шепчет, что Архив «скорбит» и что смерть архивариуса — это не убийство, а «отказ быть услышанным».

Постепенно Эдар понимает: письмо-убийца — не инструмент, а ловушка. Оно не просто содержит проклятие, оно собирает страхи и делает их реальными. Кто-то намеренно заставил архивариуса увидеть то, чего он больше всего боялся. А «пустые письма» — это заготовки, способные принять любой голос, даже тот, которого никогда не существовало.

Кульминация происходит в сердце Архива, где стены сами становятся свидетелями. Эдару приходится рискнуть и позволить письму «заговорить» с ним, чтобы услышать истинный мотив убийцы. Он разоблачает преступника, но понимает: настоящий враг — не человек, а сама способность Архива искажать правду. В финале Эдар остаётся один на один с тишиной, которая теперь кажется слишком громкой.

Глава 1. Шёпот в тишине

Эдар толкнул тяжёлую дубовую дверь Архива, и та отозвалась протяжным скрипом — будто здание не хотело его пускать. В нос ударил привычный запах: старая бумага, пыль, смешанная с чем-то терпким, похожим на остывший ладан. Но сегодня к этому запаху примешивалось ещё что-то. Холод. Не тот, что бывает от приоткрытого окна, а будто сама тишина здесь стала плотной, осязаемой.

Он сделал шаг внутрь и сразу понял: что-то не так. В читальном зале всегда царила особая тишина — та, что рождается из уважения к словам. Сегодня она была другой: напряжённой, звенящей. И в этом звоне что-то шевелилось.

Архивариус лежал у стола, неловко подвернув руку, словно пытался дотянуться до чего-то в последний миг. На лице застыло выражение, от которого у Эдара внутри всё сжалось: не боль, не гнев, а чистый, ледяной ужас. Будто он увидел то, чего не должен был видеть никогда.

А вокруг него кружились слова.

Не буквы на бумаге, не строчки из книг — они висели в воздухе, полупрозрачные, как морозные узоры на стекле.

Они не звучали, но Эдар их чувствовал: лёгкие уколы в висках, шёпот, который не доходил до ушей, а сразу проникал в сознание. «Не смотри… не читай… слишком поздно…» Фразы обрывались, перетекали друг в друга, и от этого становилось ещё страшнее.

На столе лежало письмо. Оно не было запечатано, но и не выглядело открытым — словно само пространство вокруг него не решалось его коснуться. Строки на листе появлялись и исчезали, будто стыдились быть прочитанными. И самое странное: бумага дышала. Совсем чуть-чуть — лёгкое, почти незаметное движение, как будто под тонкой поверхностью бился чужой пульс.

Эдар сделал шаг вперёд, и тут же один из полупрозрачных «обрывков» шёпота коснулся его сознания, оставив на мгновение чужой страх — холодный, липкий, чужой. Он отшатнулся, прижимая ладонь к виску. Это был не его страх. Но он ощущался так, будто стал его собственным.

— Нет… только не снова, — прошептал он себе под нос.

В детстве ему говорили, что видеть отголоски эмоций в чернилах — редкий дар. Сейчас это казалось проклятием. В

прошлый раз, когда он «прочитал» чужой страх, он обви-

нил невиновного. И тот человек ушёл из Гильдии, а потом пропал без вести. С тех пор Эдар старался не доверять тому, что видел. Но сейчас игнорировать это было невозможно.

Он осторожно наклонился, стараясь не смотреть прямо на письмо, и заметил на краю стола маленький предмет — металлическую печать с вычурным узором. Рядом лежала карточка с именем архивариуса и пометкой: «Доступ к закрытым фондам. Уровень 4». Только вот штамп на карточке был свежим, хотя архивариус не запрашивал ничего подобного в последние дни.

Слова в воздухе снова шевельнулись, и одна фраза, чуть плотнее остальных, скользнула прямо в мысли Эдара: «Он узнал слишком много».

Где-то в глубине Архива скрипнула половица — будто кто-то задержал дыхание и теперь боялся выдохнуть. Эдар резко обернулся, но в проёме двери никого не было. Только тени лежали чуть иначе, чем положено, будто пытались притвориться обычными.

Он сглотнул, чувствуя, как холод пробирается под воротник. Теперь он точно знал: это не просто убийство. Архив сам участвовал в нём. И если Эдар хочет докопаться до правды, ему придётся научиться слушать не только слова, но и ту

тишину, которая прячется между ними.

Глава 2. Стены, которые помнят

Лира стояла у высокого шкафа из тёмного дерева, и свет лампы ложился на её лицо резкими тенями, делая черты почти чужими. В руках она держала тонкую папку с пометкой «Конфиденциально. Только для руководства Гильдии». Её голос звучал ровно, будто она читала инструкцию, а не говорила о смерти человека:

— В Архиве нельзя доверять глазам, Эдар. Можно доверять только правилам. Первое правило: не читай ничего вслух, если не знаешь, кто и зачем это написал. Второе: не пытайся «чувствовать» текст, если у тебя нет допуска. И третье: если видишь, что слова меняются, — не пытайся их догонять. Они сами найдут тебя, если захотят.

Эдар кивнул, но взгляд его скользил мимо Лиры, по стенам, по рядам полок, где книги стояли так плотно, что между ними не пролезла бы даже игла. Ему казалось, что стены здесь не просто удерживают полки — они что-то шепчут. Не словами, а тяжестью, оседающей на плечах.

— Ты меня слушаешь? — Лира прищурилась, будто пыталась разглядеть в нём что-то, чего он сам не знал о себе.

— Слушаю, — тихо ответил Эдар. — Но… разве правила

помогают, когда слова сами решают, какими им быть?

Лира чуть наклонила голову, и на мгновение её тень на стене шевельнулась отдельно от неё — совсем на миг, как будто хотела уйти вперёд. Эдару стало не по себе.

— Правила помогают не сойти с ума, — сказала она уже мягче. — А теперь иди за мной. Нужно зафиксировать всё, что ты видел. И ни слова о «дышащей бумаге». Официально мы пишем: «письмо с нестабильными чернилами».

Они прошли в кабинет, где на столе лежал журнал учёта посещений — толстый том в кожаном переплёте, страницы которого были исписаны аккуратным почерком архивариуса. Лира открыла его на нужной дате и протянула Эдару перо:

— Опиши всё по пунктам: время, место, состояние тела, предметы рядом. Без метафор. Без ощущений. Только факты.

Эдар взял перо, но пальцы вдруг стали неловкими, будто не хотели касаться металла. Он начал писать, стараясь сосредоточиться на сухих формулировках. Но стоило ему опустить взгляд на уже заполненные строки, как он замер.

Там, где раньше было написано: *«Архивариус обнаружен

в 09:17. Состояние: без признаков насильственных повреждений»*, теперь появилось ещё несколько строк. Их не было, когда он заходил сюда в прошлый раз. Он точно помнил.

*«Он знал слишком много. Слова нашли его раньше, чем мы успели его спрятать. Нельзя было оставлять его одного». *

Почерк был похож на почерк архивариуса, но в нём чувствовалась какая-то судорога, будто человек писал, дрожа от страха.

Эдар резко поднял глаза на Лиру, но та спокойно листала другую папку, будто ничего не замечала.

— Лира… — голос Эдара чуть дрогнул. — Тут… тут появились новые строки.

Она не подняла головы.

— Что ты имеешь в виду?

— Вот здесь. Их раньше не было. Я помню, что читал эту страницу.

Лира наконец посмотрела на журнал, медленно перевела

взгляд на строки, а потом снова на Эдара. На её лице не было удивления — скорее усталость, будто она давно ждала, что это случится.

— Архив помнит, — тихо сказала она. — Иногда он решает, что мы должны знать больше, чем хотим. Или меньше. Зависит от того, кому он доверяет.

— То есть… это не кто-то дописал? — Эдар сглотнул. — Это сам Архив?

— Не задавай вопросов, на которые не хочешь знать ответ, — Лира закрыла папку и убрала её в сейф. — Просто запиши то, что видишь сейчас. И не пытайся сравнивать с тем, что помнишь. Память — самая ненадёжная вещь в этом месте.

Эдар снова посмотрел на строки. Они будто пульсировали, становясь чуть чётче, а потом снова расплываясь, как будто хотели, чтобы их прочли, но боялись быть понятыми.

Он снова взял перо и начал писать. Но теперь он старался не смотреть на старые записи. Он писал только то, что видел прямо сейчас. И всё равно ему казалось, что буквы под его пером чуть меняют форму, словно пытались подсказать ему что-то своё.

Когда он закончил, Лира забрала журнал и положила его обратно в сейф.

— Теперь ты официально ведёшь это дело, — сказала она, щёлкнув замком. — Но помни: зд

есь стены не просто помнят. Они выбирают, что напоминать. И если ты будешь слишком громко спрашивать, они могут начать отвечать.

Эдар молча кивнул, чувствуя, как по спине пробегает холодок. Он знал, что теперь каждый его вопрос может стать ловушкой. Но он также знал, что не сможет остановиться. Правда была где-то между строками, между словами, между тем, что помнил он, и тем, что позволял помнить Архив.

Глава 3. Тени с характером

Комната для допросов в Архиве была странной: в ней не было окон, но тени вели себя так, будто откуда-то падал свет. Эдар сел на жёсткий стул, положил перед собой блокнот и постарался не смотреть на углы — ему казалось, что оттуда за ним наблюдают не люди, а сами стены.

Первым вызвали Йорна, старого хранителя. Он вошёл, шаркая, опираясь на резную трость, и сел так, чтобы его тень легла вдоль плинтуса, будто он хотел спрятаться в трещине между полом и стеной. Его тень и правда старалась быть незаметной — она не расплывалась, как положено, а держалась узкой, вытянутой, словно боялась занять лишнее место.

— Вы были ближе всех к архивариусу в последние дни, — начал Эдар. — Он что-нибудь говорил странное? О письмах, о чьих-то запросах?

Йорн медленно поднял глаза, и в этот момент его тень будто вздрогнула, а потом скользнула чуть вперёд, будто хотела первой ответить.

— Он всё время повторял: «Они хотят услышать то, чего не было». Я думал, он про старые хроники. Думал, ему ме-

рещится, что кто-то переписал историю. А теперь… теперь я думаю, он говорил про себя.

Эдар записал фразу, но рука чуть дрогнула: ему показалось, что буквы в блокноте на долю секунды потемнели, будто чернила впитали чужой страх. Он поднял голову и снова посмотрел на тень Йорна. Она по-прежнему была узкой, но теперь в ней проступали странные изгибы — словно там прятались чьи-то чужие плечи, чужие позы, чужие воспоминания.

Следующей была Мира. Она вошла быстро, почти вбежала, и тут же принялась поправлять волосы, будто стряхивала с себя невидимые слова. Её тень дёргалась, как будто её дёргали за ниточки: она подпрыгивала, вытягивалась, сжималась, будто не могла решить, какой формы ей быть.

— Мира, вы убирали вещи архивариуса. Вы находили что-то необычное? Может быть, записи, которых раньше не было?

Мира нервно сцепила пальцы, и её тень повторила это движение с опозданием, будто эхо, которое не успевает за голосом.

— Я… я не знаю, что считать необычным. Здесь всё

необычное. Но да, я нашла листок. На нём не было текста — только линии, как трещины. И когда я дотронулась до него, мне показалось, что я слышу чей-то шёпот. Не слова, а… интонацию. Будто кто-то умолял.

Она замолчала и снова поправила волосы. Тень в этот раз дёрнулась особенно резко, будто кто-то дёрнул за невидимую нить. Эдару стало не по себе: ему казалось, что тень Миры не принадлежит ей целиком, а состоит из обрывков чужих движений.

Последней была Лира. Она вошла так, будто комната уже принадлежала ей, даже если формально это было не так. Села прямо, сложила руки на столе, и её тень легла ровно, чётко, без лишних изгибов. Но стоило Эдару задать первый вопрос, как тень Лиры замерла. Совсем. Не дрогнула, не шевельнулась, будто её выключили.

— Лира, вы давали архивариусу доступ к закрытым фондам?

Лира чуть наклонила голову, и тень осталась неподвижной, хотя свет в комнате должен был хоть немного измениться от её движения.

— Доступ был у него всегда. Но в последние дни он за-

прашивал что-то, чего я не хотела ему давать. Я отказала.

— Почему?

— Потому что некоторые слова лучше не слышать даже тем, кто умеет их читать.

Эдар помолчал, глядя на эту застывшую тень. Ему казалось, что она не просто не двигается — она сопротивляется. Как будто сама тень знала, что если шевельнётся, то выдаст что-то важное.

— А вы сами… вы ничего не слышали в последние дни? Никаких шёпотов? Никаких фраз, которые появляются сами по себе?

Лира слегка улыбнулась, но улыбка не коснулась её глаз.

— В Архиве все слышат лишнее. Вопрос в том, кому из этого лишнего верить.

Когда Лира встала и вышла, её тень ещё несколько секунд оставалась на полу, будто не хотела уходить вслед за хозяйкой. А потом вдруг резко сжалась и исчезла, как будто кто-то стёр её ластиком.

Эдар закрыл блокнот, но не спешил вставать. Он смотрел на пустой стол и пытался собрать воедино то, что увидел. У Йорна тень пряталась, будто знала слишком много. У Миры тень дёргалась, будто её использовали как марионетку. А у Лиры тень застывала, будто боялась выдать секрет, который хранила сама.

Он вспомнил слова Лиры: «Здесь стены не просто помнят. Они выбирают, что напоминать». И вдруг ему стало ясно: тени в этой комнате не просто отражали свет. Они отражали правду, которую люди пытались спрятать. И если научиться читать не только слова, но и эти странные, живые тени, можно было найти убийцу.

Но от этой мысли становилось только страшнее. Потому что, если тени говорили правду, значит, в этом деле никто не был тем, кем казался.

Глава 4. Голос чернил

Эдар сидел в маленькой боковой комнате Архива — её называли «тихой», потому что сюда складывали документы, от которых у большинства начинали болеть головы. Здесь не было ни одного прямого источника света: лампы давали тусклое, рассеянное сияние, будто боялись разбудить то, что дремало в бумаге. Перед ним лежало письмо, найденное рядом с телом архивариуса. Строки на нём по-прежнему появлялись и исчезали, как дыхание, которое нельзя удержать.

Он глубоко вдохнул, задержал воздух на несколько секунд, а потом медленно выдохнул. Это был его старый ритуал: попытка отделить свой страх от того, что предстояло почувствовать. Он знал, что его дар — видеть отголоски эмоций в чернилах — часто приносил не ответы, а кошмары. Но сейчас выбора не было.

Эдар осторожно коснулся края листа кончиками пальцев. Сначала пришла тишина — плотная, тяжёлая, как бархат, накинутый на колокол. А потом тишина треснула, и сквозь трещину просочился голос.

Не слова. Не фразы. Это было ощущение: ледяной холод, который начинается в груди и ползёт вверх, к горлу, мешая

дышать. Эдар почувствовал, как у него самого перехватывает дыхание, и на мгновение ему показалось, что он не в тихой комнате, а стоит в узком проходе между стеллажами, где пахнет воском и старым деревом, и где впереди, в темноте, кто-то шепчет.

А потом пришли обрывки воспоминаний. Но это были не его воспоминания.

Он увидел дрожащую руку, которая тянется к печати. Услышал собственный голос — но не свой, а голос архивариуса, низкий и хриплый: «Я не хотел этого видеть». Увидел тень, которая не принадлежала человеку: она была слишком широкой, слишком неправильной, будто состояла из множества теней сразу. И ещё — фрагмент фразы, написанной не чернилами, а будто углём: *«Слова не должны знать, кто их произносит»*.

Эдар дёрнулся и отдёрнул руку. Лист под пальцами чуть шевельнулся, как будто обиделся, что его прервали. На бумаге проступила новая строка — чёткими, почти злыми буквами: *«Ты слышишь не всё»*.

Он зажмурился, пытаясь стряхнуть чужие ощущения, но они не уходили. Вместо этого к холоду добавился запах — горький, травяной, как настойка полыни. Этот запах он знал.

Его часто использовали в Архиве, чтобы «запечатывать» опасные тексты. Но в воспоминании запах был не рабочим, а паническим: будто кто-то пролил пузырёк, пытаясь заглушить что-то более страшное.

В дверь тихо постучали, и Эдар вздрогнул. На пороге стояла Мира. Она держала в руках маленький глиняный сосуд, от которого слабо тянуло той самой полынью.

— Я подумала, тебе может пригодиться, — тихо сказала она, не решаясь войти. — Говорят, это помогает… немного приглушить то, что приходит с чернилами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.